

УДК 821.161.1

«БЕСЫ» И ИХ АНТАГОНИСТЫ В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО «БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ», «ЛЕС» (В СВЕТЕ УЧЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 31 октября 2023 г.

Аннотация: в статье рассмотрены две пьесы А. Н. Островского в свете учения святителя Тихона Задонского о грехе сребролюбия и добродетели нестяжания. Проанализирована система персонажей, в которой действуют герои-антагонисты. Одни из них поклоняются «золотому тельцу» как воплощению бесовского неправедного богатства, другие остаются верны христианскому долгу по отношению к ближнему, «всечеловеческому» братству.

Ключевые слова: святитель Тихон Задонский, А. Н. Островский, богатство, бедность, конфликт ценностей, христианская вера, раскаяние, любовь, семья, быт.

Abstract: the article examines two plays by A. Ostrovsky in the light of the teachings of St. Tikhon of Zadonsk about the sin of avarice and the virtue of non-possessiveness. The system of characters in which antagonist heroes act is analyzed. Some of them worship the "golden calf" as the embodiment of demonic unrighteous wealth, others remain faithful to the Christian duty towards their neighbor, the "all-human" brotherhood.

Keywords: St. Tikhon of Zadonsk, A. Ostrovsky, wealth, poverty, conflict of values, Christian faith, repentance, love, family, life.

В учении святителя Тихона Задонского о грехе и добродетели особое место занимает позиция святого по отношению к такой вечной проблеме человеческого существования, как конфликт богатых и бедных. Подверженность греху сребролюбия — одна из самых распространенных страстей, которая преодолевается человеком с большими трудностями. Свт. Тихон отмечает, что «блуднику, злобному, пьянице и прочим нужно только отстать от грехов и покаяться, чтобы спастись: а лихоимцу не токмо отстать должно от лихоимания, но и восхищенное возратить тому, у кого похитил, или, когда того невозможно учинить, расточить, что зле собрал, и тако каяться; иначе бо ему каяться невозможно» [1, 984].

Сребролюбие явилось причиной предательства Иуды, и этот грех систематически повторяется в истории человечества. Иуда пытался раскаяться, вернув деньги, — цену «неповинной крови», но его окамененное сердце уже неспособно было совершенно очиститься от пагубной страсти, которая повлекла его дальнейшее окончательное падение. Невозможно переоценить актуальность высказывания свт. Тихона о накопительстве для нашего времени: «Оно научает похищать, красть, лихоимствовать, суды неправо судить, правого обвинять и виноватого оправдать, научает лгать, напрасно клясться, имя Божие всуе призывать и клятву нарушать, обманывать, лука-

вить; словом, всему злу научает оно, что от христиан удалено быть должно» [2, 985].

А. Н. Островский, как никто из русских драматургов, глубоко постиг проблему пагубного, развращающего влияния «бешеных» денег на человеческую душу. В данной статье мы рассмотрим две пьесы А. Н. Островского, в которых герои не просто ищут богатства как смысла жизни. Автор, продолжая духовную традицию свт. Тихона Задонского, показывает полное «переформатирование» нравственного, внутреннего облика человека от нестяжания к беспредельной жажде обладания земными сокровищами.

Комедия А. Н. Островского неслучайно имеет говорящее название — «Бешеные деньги». Она содержит такие глубокие метафизические смыслы, которые требуют специального аналитического рассмотрения. За внешним блистательным полетом сюжета, исполненным искрометного юмора, скрывается духовно-нравственная проблематика, которая была открыта и обоснована еще А. С. Пушкиным в его романе-энциклопедии «Евгений Онегин» и продолжена М. Ю. Лермонтовым, Н. В. Гоголем, И. А. Гончаровым, Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, каждый из которых внес свой вклад в развитие галереи образов «лишних» людей, которые во многом составили «лицо» литературного процесса XIX века.

Конфликт «Бешеных денег» составляет борьба двух характеров, которые находятся в браке, но исповедуют абсолютно противоположные принципы.

Лидия Чебоксарова воспитана так, как полагается даме из светского общества. Она предается праздности, всевозможным развлечениям и в этом потребительском азарте находит главный вкус и смысл жизни. Лидия — красавица, а во французских романах, на которых взросла ее душа, красота трактуется как товар, который должен приносить прибыль. Исходное кредо Лидии таково: «красавиц мало, а дураков много», за их счет она и будет существовать не просто безбедно, а роскошно, как того требует ее красота. Разумеется, эта цель существования осмеивается и развенчивается А. Н. Островским, но образ настолько объемлен и красноречив, что за ним возникает тень дэнди первой половины XIX века — Евгения Онегина, который также был воспитан на примере западного, эвдемонического типа культуры.

Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как dandy лондонский одет –
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил [2, 8].

Однако, к чести героя Пушкина, следует признать, что ему дано было понять, что его жизнь в свете порочна и пуста и что он создан для какой-то другой цели, основанной на иных началах, нежели круговорот повседневных удовольствий. Герой даже духовно заболел оттого, что утратил смысл человеческого существования. В комедии же А. Н. Островского мать и дочь Чебоксаровы пребывают в апогее погони за счастьем, которое имеет вполне конкретное определение — это «бешеные деньги», которые обещают бесконечное наслаждение земными сокровищами.

По христианским понятиям, именно сребролюбие и страсть к обогащению являются корнем всех зол и грехов, которые до неузнаваемости уродуют человеческую личность, уничтожая в ней образ и подобие Божие и приобщая ее к бесам. Человек, одержимый страстью стяжания, способен на любое преступление вплоть до совершения смертных грехов. Гений А. Н. Островского виртуозно развенчивает это затуманенное сознание, которое демонстрирует себя в монологе матери Лидии Чебоксаровой, когда она убеждает Василькова не стесняться в средствах обогащения.

«Надежда Антоновна (*горячо*) (здесь и далее выделение наше. — Л. С., Н. С.). За что вы терзаете нас? Мы заслуживаем лучшей участи. Мы ошиблись — вы бедны, но мы же стараемся и поправить эту ошибку. Конечно, по грубости чувств, вы едва ли поймете нашу деликатность, но я приведу в пример моего мужа. Он имел видное и очень ответственное место: чрез его руки проходило много денег, — и знаете ли,

он так любил меня и дочь, что, когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержания достоинства нашей фамилии или *просто даже для наших прихотей*, он... не знал различия между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, он *пожертвовал собой для святого чувства семейной любви*. Он был предан суду и должен был уехать из Москвы» [3, 53].

Желание жить в роскоши *любой ценой* затмевает элементарные принципы порядочности, нарушение Божией заповеди «не укради» объявляется *святой* семейной добродетелью. Поистине мать Лидии Чебоксаровой кружится в дьявольском вихре перевернутых понятий о добре и зле, грехе и его последствиях, об отношениях детей и родителей, о воспитании в своих чадах ответственности за свой жизненный выбор.

Деловой человек Васильков — антипод того «темного царства» греха, в котором привычно вращаются герои пьесы. Он труженик, он честный предприниматель, который стремится не столько к прибыли, сколько к общественной пользе.

А. Н. Островский не пожалел для своего положительного героя разнообразных красок, которые рисуют его как русского человека, прекрасно сознающего свою национальную идентичность. Он прежде всего христианин, дающий отповедь плоским, языческим представлениям о счастье матери и дочери Чебоксаровых.

«Васильков. Да подите ж прочь с вашими советами! Никакая нужда, никакая красавица меня воровством не сделают. Если вы мне еще раз о воровстве заикнетесь, я с вами церемониться не буду» [3, 54].

Васильков любит свою жену Лидию, но его любовь — трезвомыслящая, заботящаяся о душе своей второй половины, а не о потакании капризам изуродованного неверным воспитанием существа. И в этом эпизоде наступает пик конфликта двух систем ценностей, которые одновременно не могут существовать в брачном союзе мужчины и женщины: 1) идеал жизни по заповедям Божиим и 2) по прихотям, стихиям мира сего. Лидия фанатично преследует свою цель: ее красота должна толкать мужа и других обожателей на постоянное поправление нравственного долга и обязанностей перед Создателем. Она — кумир, ради обладания которым поклонникам «все позволено». Это уже не просто заблуждение неопытного ума, это форменное беснование, базисом которого является богоборчество. Героине принадлежит реплика, раскрывающая сущность ее «бунта» в браке.

«Лидия (тихо). Затеваю. Никто так меня не унижал, как он. Я теперь не женщина, *я змея!* И я его больно ужалю» [3, 54].

Как и во многих комедиях А. Н. Островского, картинка нравов перестает быть смешной, а вызывает ужас своей обнаженной демонстративной причастностью злу. Конфликт Чебоксаровой и Василькова

перерастает границы семейно-бытового и поднимается на бытийный уровень. «Русскость» героя и «западничество» героини сходятся почти в смертельном поединке. И здесь следует вновь обратиться к А. С. Пушкину.

В романе «Евгений Онегин» Татьяна, «русская душой», ценой своей жертвенной любви возвращает «лишнего» человека к национальным истокам его собственной судьбы. В комедии А. Н. Островского эту роль призван сыграть смешной, но добрый, искренний и простой **провинциал** Васильков, которому принадлежит урок, преподаваемый им собственной жене.

«Лидия. Вы меня извините, я не поняла вас. Объясните мне, что значит слово «экономка» и какие ее обязанности?»

Васильков. Извольте, объясню: но, если вы не примете моего предложения, я больше не вернусь к вам. Экономка — значит женщина, которая занимается хозяйством. Это ни для кого не унижительно. А вот обязанности: у меня в деревне маменька-старушка, хозяйка отличная, вы поступите к ней под начальство — она вас выучит: грибы солить, наливки делать, варенье варить, передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама будет только наблюдать за вами. Мне такая женщина нужна, я постоянно бываю в отъезде» [3, 83].

Этот традиционный русский рецепт выздоровления души от «французской мифологии» в конце концов принимается героиней как единственно спасительный. От ненависти к мужу она переходит к уважению, а возможно, и более нежным чувствам. Бесовские чары спадают с глаз, в безнравственной красавице пробуждается совесть. Чебоксаровазревает:

«Лидия (подает мужу руку). Благодарю вас, что на целый день вы даете волю моим слезам. Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моем унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. **Моя богиня беззаботного счастья валится со своего пьедестала**, на ее место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет. Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, веселеньких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчетливых мужей! Эфирные существа, бросьте мечты о несбыточном счастье, бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми» [3, 86].

Как видим, нравственный итог комедии А. Н. Островского состоит в возвращении заблудшего чада в символический отчий дом, где царствует евангельская Истина: кто не работает, тот не ест. Лекарство от соблазна «бешеных денег» — только трудовые деньги, которые не позволяют человеку сорваться в бесовское состояние ради приобрете-

ния несправедливого богатства, которое неминуемо влечет к вечной гибели души. Как мы уже отмечали, святые отцы Церкви (в их числе и свт. Тихон Задонский) доскональным образом исследовали этот вопрос и пришли к выводу, что покаяние в страсти сребролюбия — довольно сложный процесс, состоящий из нескольких ступеней. Чтобы избавиться от этого недуга, необходимо вернуть всем «обиженным и оскорбленным» то, что когда-то было у них отнято. Героиня А. Н. Островского получила от мужа рецепт возможного спасения, но ее окружение продолжает находиться в вихре «вечного» праздника за чужой счет. Если крупный бес в лице гордой, самолюбивой Лидии оказался посрамленным, то Телятевы, Глумовы, Кучумовы и другие продолжают крутиться в хороводе мелких бесов, ощущающих себя в их среде чрезвычайно комфортно. Правда жизни у этих господ давно подменена некими «правилами», которые выдаются за «врожденную светскость». Комедия заканчивается репликой Телятева, который решительно не усвоил «урока» Василькова.

«Телятев. Ты не хочешь ли дать мне денег взаймы? Не давай, не надо. Пропадут, ей-Богу, пропадут. Москва, Савва, такой город, что мы, Телятевы да Кучумовы, в ней не погибнем. Мы и без копейки будем иметь и почет, и кредит. Долго еще каждый купчик будет за счастье считать, что мы ужинаем и пьем шампанское на его счет» [3, 86].

Тема пагубного влияния несправедливых денег на человеческую личность продолжена автором в комедии «Лес». Но здесь она приобретает некие дополнительные оттенки, раскрывающие всю глубину христианского понимания проблемы А. Н. Островским.

В комедии «Лес» религиозно-нравственная завязка действия, как это нередко встречается у драматурга, начинается с утверждения героями прямо противоположных ценностных ориентиров. Буланов и Аксюша — герои-антиподы, которых Гурмыжская собирается выгодно сосватать.

«Аксюша. Иное можно купить за деньги, а другого нет.

Буланов (презрительно улыбаясь). Философия! (Серьезно). Вы толку в деньгах не знаете, оттого так и разговариваете. Видно, нужды-то не видали? А тут впереди жизнь приятная... **За деньги-то люди чёрту душу закладывают**, а не то чтоб отказываться» [3, 90].

Итак, мечта обозначена: деньги любой ценой — вот цель и смысл жизни. Наслаждение «приятной жизнью» составляет идеал и богатой помещицы Раисы Гурмыжской, но она более сложный характер, поскольку чувствует, что грубый материальный расчет должен быть прикрыт какой-то возвышенной риторикой, создающей ей особую привлекательность в губернии. Гурмыжская «играет» в христианство, рассыпая кругом библейские афоризмы, прикрывая правдой Евангелия светские «правила» хорошего

тона: «Все люди нам ближние. Господа, разве я для себя живу? Все, что я имею, все мои деньги принадлежат бедным; я только конторщица у своих денег, а хозяин им всякий бедный, всякий несчастный» [3, 92].

Эта мысль — святоотеческая, глубоко верная, но насколько соответствует она житейской практике самой героини? А. Н. Островский, как и Л. Толстой, умеет срывать маски со своих персонажей. Как и многие герои русской классической литературы, Гурмыжская — «ложная» христианка, не понимающая своего кощунственного отношения к Богу, Который прежде всего взирает на человеческое сердце. А в нем гнездятся самые разнообразные пороки. И прежде всего это грехи сребролюбия, лицемерия и самоугождения, которые к «истинному» христианству не могут иметь никакого отношения.

Играя в благодетельницу, Гурмыжская объявляет обществу, что решила «сделать три добрых дела разом». Она хочет выдать замуж за недоучившегося гимназиста, но «мальчика на возрасте», который годится в солдаты, свою племянницу, девушку бедную, но весьма привлекательную, и сделать ей хорошее приданое. Но за этой добропорядочной вывеской скрываются такие грехи и порочные наклонности, которые срывают маску с ложной христианки. Предполагаемый «жених» нравится самой «старушке», и она не прочь женить его на самой себе. Ее диалоги с Аксюшей выявляют в ней полное равнодушие и даже презрительное, пренебрежительное отношение к молодой сопернице, потому что она не имеет гроша за душой, бесприданница.

«Аксюша. Жених! Кому нужен такой жених?

Гурмыжская. Ну, это выше твоего понятия.

Аксюша. И не хорош, и не умен.

Гурмыжская. Вздор! Ты глупа, а он умен, хорош, образован. Скажите, скажите! Это ты нарочно. Ты же не слепая. Тебе только хочется раздражить.

Аксюша. Да вам-то что же?

Гурмыжская. Как что? Это *мой* выбор, *мой* вкус. Не тебе чета, светские дамы им увлекались.

Аксюша. Чести им не делает.

Гурмыжская. Ах, ах! Она рассуждает. И почему ты знаешь, что честь, а что бесчестье?

Аксюша. Я девочка с улицы, не светская дама, а не польщусь на такое сокровище.

Гурмыжская. А я тебе приказываю.

Аксюша. Я ведь не пойду за него; к чему же эта комедия?

Гурмыжская. Комедия! Как ты смеешь? Да хоть бы и комедия: я тебя кормлю и одеваю и заставлю играть комедию. Ты не имеешь права входить в мои намерения: мне так нужно, и все тут. Он жених, ты невеста... Вот *моя* воля!» [3, 102–103].

Этот диалог погружает нас в атмосферу уже отмененного крепостного права. Отношение к ближним, как к бессловесным рабам, игрушкам прихотей богатых, с которыми можно поступать по *своей* воле,

своим капризам и расчетам, несовместимо с краеугольным понятием божественной жертвенной любви, которая является основой христианского учения. Тем не менее Гурмыжская считает себя благодетельницей, выполняющей заповедь о помощи ближним. Аксюша любит другого человека, и для ее счастья необходима небольшая сумма денег в качестве приданого. Но Гурмыжская не может переступить через свои эгоистические интересы и сделать счастливой племянницу. Поэтому для адекватного истолкования пьесы А. Н. Островского «Лес» вполне уместно привлечение цитат из учения свт. Тихона Задонского: для покаяния в неправедном богатстве грешнику необходимо вернуть украденное у обиженного и оскорбленного им человека. В комедии появляется ее центральный персонаж — трагический актер Несчастливцев, родной племянник и законный наследник Гурмыжской. Его тетка долгие годы обкрадывала своего родственника, прикрывая свой грех «светской любезностью». Несчастливцев помогает тетке вернуть деньги, которые на самом деле принадлежат ему, чем повергает Гурмыжскую в шоковое состояние.

«Гурмыжская. Я никак не ожидала... Сам от денег отказывается! Как это мило с его стороны! И напрасно я напомнила про этот долг. С чего это я расчувствовалась! *Играешь-играешь* роль, ну и заиграешься. Ты не поверишь, мой друг, как я не люблю денег отдавать» [3, 136]. Актер-трагик подарил ей эти деньги, потому что считал почти святой, он сделал хорошее дело и счастлив. Однако Гурмыжская перед своим будущим супругом срывает маску: ее христианская риторика призвана прикрыть ее вполне языческую жизнь по страстям и стихиям мира сего.

Несчастливцеву становится известной безнравственная позиция его тетушки, и он совершенно справедливо рассудил, что неправедное богатство развратит ее еще больше. Гурмыжская вынуждена отдать ему долг — тысячу рублей (крупную сумму по тем временам). Так актер-трагик становится почти богачом, в воображении его и Счастливецца мелькают будущие картины безбедной жизни в русском духе удали и размаха. Однако будущая жизнь на широкую ногу оказалась мифом, поскольку наряду с этими мечтами у актера есть еще желание устроить жизнь своей племянницы. Аксюша от безысходности собралась было идти в актрисы, но любовь и семейная жизнь с дорогим ее сердцу человеком привлекает героиню неизмеримо сильнее, чем карьера. Счастье влюбленных упирается в ту же сумму, которую Гурмыжская отдала Несчастливцеву. Какой же выбор сделает главный герой пьесы А. Н. Островского? На одном полюсе — самоугождение, сытость и беспечное существование, на другом — милосердие и сострадание к бедной сиротке. Нищий актер, не колеблясь, совершает истинно христианский поступок — отдает единственные деньги, в сущно-

сти, «все свое пропитание» Аксюше в приданое, что позволяет соотнести его выбор с образом бедной вдовы из Евангелия, которая положила последние две лепты на церковные нужды. Причем Несчастливцев делает это без всякой позы, напыщенных фраз и рассуждений о любви к ближним. Но комедия А. Н. Островского неслучайно называется «Лес». В заключительном монологе Несчастливцева автор обнажает идею своей пьесы как конфликта двух систем ценностей: 1) «игры» в христианство богатых и равнодушных бездельников и 2) истинных христиан, которые отдают последнее, чтобы пожалеть и поддержать нуждающегося.

«Несчастливцев. Комедианты! Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, а не мы» [3, 172–173].

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Учение святителя Тихона Задонского о «все-человеческом» братстве лежит в основе «театра» А. Н. Островского. Оно было близко и А. П. Чехову, который тоже на подмостках сцены ненавязчиво учил публику христианским добродетелям. В советскую эпоху христианская система ценностей легла в основу драматургии А. Вампилова. Сделано это было с лучшим тактом и мастерством, и при этом идея братства людей во Христе свт. Тихона Задонского не была утрачена, а получила дальнейшее развитие в условиях совершенно новых социальных обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. — М.: Самшит, 2000. — 1180 с.

2. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 тт. Т. IV / А. С. Пушкин. — М.: Правда, 1981. — 430 с.

3. Островский А. Н. Избранные пьесы: В 2 т. Т. II / А. Н. Островский. — М.: Художественная литература, 1972. — 567 с.

*Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian
Language and Literature Department*

*Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language and Literature Department*

E-mail: stuf77@mail.ru